

СУМА СШЕДШАЯ СТАРУХА

Т ебя губит одиночество. Потому, должно быть, что ты ждала, что гибель будет величественнее и романтичнее. Молодая да ранняя, говорила про тебя мать. Ты рано зашвырнула куда подальше клетчатые школьные юбки и устремилась во взрослую жизнь через окрестные кабаки, поощряя мужчин орудовать — сначала пальцами, а потом и всем прочим — в любых складках и полостях, какие только могла предоставить в их распоряжение в сумраке аллей, под сенью невзрачной городской зелени.

Трижды побывав замужем, ты острила в разговорах с подружками, мол, каждый раз казалось, что вот оно, дно, но тут выяснилось, что на лифте

любви можно спуститься еще на несколько этажей. Четвертому жениху ты отказала, так как даже тебе было ясно, что его планы на жизнь не обещают ничего, кроме полного краха. Ты явственно слышала будущие его невнятные, разящие джином упреки.

Отвергнув четвертого претендента на руку и сердце, ты пустилась во все тяжкие. А тебе, между тем, перевалило за сорок. Все твои подруги успели обзавестись более или менее приемлемыми мужьями и с каждым днем находили все больше предлогов не идти с тобой вечером в бар (*прости, но я страшно выматываюсь с детьми, я бы с радостью, но ты же знаешь, как мужа бесит, когда я возвращаюсь поддатая*).

На пятом, а затем и на шестом десятке ты полагала, что выиграла, а подруги твои в проигрыше. Ты не мела занозистых полов под мужнино нытье об унылой участи, на которую он с твоей помощью себя обрек, о работе, за которую платят гроши, так что едва хватает на отопление и свет; ты не прижимала пятого своего младенца к груди, из которой все труднее было выжать несколько жалких капель молока. Ты сама выбрала, как распорядиться своим дряхлеющим телом: втискивала его в наряды, которые с годами становились

только теснее, до тех пор, пока на подходе к шестидесяти не возникло ощущения, будто только благодаря платью тебе удается с прямой спиной сидеть на барных табуретах, и если б не оно, ты сползла бы на пол и беспомощно лежала бы бесформенной беловато-розовой кучкой отслужившей свое плоти.

Ты не стала вставлять выпавший зуб — черный провал на его месте декорировал твою многомудрую улыбку. Ты красила и перекрашивала волосы: после клоунски-рыжего — в баклажанный цвет, до предела насыщенный, почти фиолетовый, а потом превратилась в ослепительную блондинку.

Ты не питала иллюзий. Во всяком случае думала, что никаких иллюзий не питаешь. А что, прикидывала ты, “Дом восходящего солнца” — вполне себе закономерное и не худшее даже, с учетом тут и там поблескивающих стразов, обрамление для потаскухи на излете. Ты загодя воображала по-своему славную жизнь распутной домоседки, невменяемой в глазах любителей возводить в абсолют истертые добродетели. Ты готовилась к полуночным визитам соседских парней (и да, видела при этом перед собой сыновей старинных подружек), которым очень нужны

твои уроки (*пальцем сюда, а теперь сожми ле-
гонько, только очень нежно — сто процентов,
она будет совершенно без ума*), мальчишек, бла-
годарных за ночи экстаза и воспарений, а еще
больше — за то, что утром они просыпаются,
утонув лицом у тебя между грудей, пристыжен-
ные, растерянные, и больше всего на свете хо-
тят поскорее убраться восвояси, а ты всяче-
ски им в этом помогаешь (ты никогда не даешь
воли чувствам, никогда не просишь остаться).
Прежде чем очередной ночной гость выскочит
из постели и примется искать носки и трусы, ты
успеваешь уверить его, что с ним тебе было чу-
десно, что он настоящий герой, а значит, успева-
ешь приготовить подарок для неизвестной тебе
девушки, которая по гроб жизни будет тебе бла-
годарна за то, чему он научился у тебя за одну-
единственную ночь.

Мальчишки нервно самодовольно улыбаются,
неловко натягивая одежду. Они сообразитель-
ные, они понимают, что так ты населяешь город
годящимися в мужья. Что ты богиня (второсте-
пенная, но это не важно) телесного знания и пе-
чешься о том, чтобы окрестные юноши мало того
что знали о существовании клитора, но и пони-
мали, что с ним делать. В то же время ты заочно

взрачиваешь сонмы девушек (может, кто-то из них прознает про твои труды, а то и побывает у тебя?), которым супружеские ночи станут сполна искупать дни, проведенные за стиркой и глажкой.

Но такого вот будущего, такой старости у тебя не случилось.

Виной тому, скорее всего, несчастный случай — то ли машина неудачно сдала назад, то ли лошадь лягнула, — после которого ты осталась хромоножкой. А дальше — крошечная квартирка над прачечной (кто ж знал, что аренда так дико подорожает?) с неизбывным запахом мышинового дерьма и стиральных химикатов: он только крепчал от туалетной воды, которой ты пшикала во все стороны, чтобы его замаскировать. Ну и что там было делать парням?

А еще вдруг эта непонятная юношеская робость... Мальчишки (теперь они были стариками, а многие и вовсе уже умерли) из ее молодости, эти бесстрашные, допьяна самоуверенные принцы-забияки, которые трогательно пыжились изобразить из себя незнамо кого, практически исчезли (так, по крайней мере, тебе казалось) с лица земли. А вместо них пришло поколение пугающе благонравных инфантильных юно-

шей — им хватало знания об устройстве женского тела, которое они получали от девиц, понимающих свое тело едва ли лучше неуклюжих ухажеров.

В семьдесят, считая себя совсем еще не старой, ты купила участок земли. От города довольно далеко — но даже пригородная земля, кому она нынче по карману? Когда с формальностями было покончено, ты встала (опершись на палочку, в необходимость которой тебе все еще не больно-то верилось) посреди своего скромного землевладения, со всех сторон окруженного лесом, и решила построить дом из сладостей.

Ты хорошенько все вызнала. Оказалось, что из сахара, глицерина, кукурузного крахмала и неких ядовитых субстанций (их лучше бы вслух не называть) можно изготовить кирпичи, которым не страшен дождь. А имбирные пряники, если в них для прочности подмешать цемента, вполне годятся на крышу.

Все остальные элементы конструкции, разумеется, требовали постоянного ухода. Окна из жженого сахара едва выдерживали до конца зимы; притолоки и подоконники приходилось менять каждую весну даже несмотря на то, что

в глазурь был добавлен монтажный клей. Сделанной из леденцов плитке и карамельным тросточкам, специально заказанным для перил и балясин, зима была нипочем, но летом они сильно выцветали от жары и тоже требовали замены. Ведь разве бывает зрелище печальнее, чем состарившийся леденец?

Домик, тем не менее, вышел прелестным на свой безумный и абсолютно бесшабашный манер; ему сильно добавляли очарования кричащие цвета и сахарно-имбирные ароматы, которыми он наполнял осененную лесом поляну, не связанную с внешним миром ничем, что хотя бы отдаленно напоминало дорогу.

И вот ты стала ждать.

Ты, видимо, просчиталась, ожидая, что окрестное юношество — при всем его благонравии и склонности к дисциплине — окажется пытливей и любопытней. О чем думали милые маленькие любители пикников? Почему компании подростков не заявлялись в поисках секретного убежища, где можно было бы (с твоего разрешения) выпить виски, необходимое им для полноты собственного образа? Куда запропастились юные любовники, которым вечно не хватает уединения?

Время тянулось не быстро. Дел у тебя было не много. Ты чаще, чем надо, переключивала глазурь и леденцы — только для того, чтобы чем-то себя занять, а заодно (это смахивало на безумие, но без легкой безуминки ты не была бы собой) проверить, не дадут ли усовершенствования — освеженный карамельный запах, леденцы от нового производителя с более яркими полосками и спиралями — долгожданного результата.

Тебе было без малого восемьдесят, когда явились первые гости, не совсем, правда, такие, каких ты ждала. Жмурясь от солнца, они выступили из лесной тени на твою полянку, и вид их внушал надежду.

Они выглядели эротично, этот мальчик и эта девочка с голодными лисьими мордашками, выразившими ту же жадную тревожность, какую ты замечала на физиономиях детей, что время от времени околачивались в округе. У обоих были пирсинг и татуировки. И оба могли похвастаться завидным аппетитом. Мальчик запихивал в рот сахарную глазурь, словно не замечая замешанного в нее густого клея. Девочка соблазнительно (с карикатурным бесстыдством, приобретенным явно благодаря порно, а не жизненному опыту) обсасывала ярко-красный леденец на палочке.

— Чё вылупилась, бабуля? — спросил мальчик с набитым глазурью и клеем ртом.

Девочка, не отрываясь от леденца, улыбнулась ему, как будто он метко и упоительно дерзко сострил, — так улыбаются героям и бунтарям.

И чего, по-твоему, следовало ожидать от юной долбанутой парочки, от этих тертых жизнью детишек, после того как они слопали половину твоего дома и не выказали по ходу дела ни капли удивления, не дали себе труда соблюсти элементарные приличия? Было ли для тебя неожиданным то, как они громили твое жилище, как прогрызали проходы из комнаты в комнату и останавливались ненадолго, только наткнувшись на что-нибудь, на их взгляд, забавное, вроде твоих драгоценностей (девочка сказала, нацепив на себя жемчуга: “У нашей матери были точно такие, а мне, по-вашему, они идут?”) или вазы, которая досталась тебе от покойной бабушки и в которую мальчик шумно и обстоятельно помочился? Думала ли ты, что, не обнаружив другого съестного, кроме сладостей, они не станут выпрашивать немножко белковой пищи, а сами ее себе добудут?

Испытала ли ты хоть какое-то облегчение, когда они схватили тебя, подняли (весу в тебе

МАЙКЛ КАННИНГЕМ

к тому времени было всего ничего) и засунули в печку? Возникло ли у тебя ощущение непредвиденного, но закономерного финала, осознала ли ты происходящее как не худшее исполнение судьбы, когда они захлопнули за тобой печную дверцу?

